

С.В. Князев, С.К. Пожарицкая

ЕЩЕ РАЗ О МЕХАНИЗМЕ ФОРМИРОВАНИЯ
УМЕРЕННОГО ЯКАНЬЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Возникновение умеренного яканья традиционно принято объяснять наслоением недиссимилятивного аканья-яканья на окающую модель владимирско-поволжского типа. Эта гипотеза, предложенная Е. Будде [Будде 1896], получила дальнейшее развитие и обоснование в работах В.Н. Сидорова [Сидоров 1951; 1966].

Как полагал Е. Будде, а вслед за ним и В.Н. Сидоров, современные диалекты с умеренным яканьем (по крайней мере, та их часть, которая расположена на границе с окающими владимирско-поволжскими говорами) были изначально севернорусскими¹ говорами с произношением [о] перед твердыми согласными и [е] перед мягкими на месте как *е и *ь, так и *ё (т.е. н[’о]сú, в[’о]лá и в л[’о]сú, р[’о]кá при н[’е]сú, р[’е]кú). Под влиянием акающей модели, в которой безударное [о] отсутствует, в этих диалектах любое [о] заменилось на [а], в том числе и после мягких согласных, а [е] заменилось на [и] перед мягкими: т.е. н[’а]сú, в[’а]лá и в л[’а]сú, р[’а]кá при н[’и]сú, р[’и]кú. “В результате образовался говор, представляющий собой по существу акающий слепок, отлитый по окающей модели” [Сидоров 1966, 105].

Гипотеза В.Н. Сидорова была признана Р.И. Аванесовым, который писал: “Несомненна доказанная В.Н. Сидоровым генетическая связь ёканья с умеренным яканьем” [Аванесов 1974, 166]. Однако Р.И. Аванесов не распространял ее на говоры Тульской группы южнорусского наречия, считая, что в их истории существенную роль сыграло влияние говоров Москвы и Подмосквья: “В процессе этого влияния в тульских говорах появилось умеренное яканье, заменившее собою диссимилятивное, а также некоторые другие черты, по которым они отличаются от курско-орловских и рязанских, сближаясь со средневеликорусскими говорами центра” [Аванесов 1974, 229].

Сам В.Н. Сидоров в своих построениях также имел в виду только те средне-русские говоры, в истории образования которых севернорусская основа прослеживается также и в целом ряде других черт. Однако впоследствии предложенный В.Н. Сидоровым способ интерпретации умеренного яканья стал универсальным. Так, Н.Б. Париковой удалось обнаружить следы “первичного умеренного яканья” – переходной, по мнению В.Н. Сидорова, модели от ёканья к яканью – в виде отдельных случаев произношения предударного [а] между мягкими согласными в соответствии с этимологическим *а (типа [гл’ад’át’]) в тульских говорах, и она сочла возможным распространить гипотезу В.Н. Сидорова и на эти, южнорусские по своей основе, говоры [Парикова 1961].

Карта № 3 ДАРЯ подтверждает, что примеры с предударным [а] на месте *а перед мягкими встречаются на всей территории умеренного яканья, в том числе, и на тульской, и на рязанской территории; но достаточно ли этого для того, чтобы видеть здесь отражение системы вокализма с различением предударных гласных?

¹ В современной лингвогеографии их принято относить не к севернорусскому наречию, а к среднерусским говорам [Захарова, Орлова 1970].

Гипотеза В.Н. Сидорова основана на презумпции, которую, как нам кажется, нет оснований считать неоспоримой: сторонники ее исходят из того, что обусловленность качества гласного твердостью или мягкостью последующего согласного – это исключительное свойство только окающих моделей вокализма. Однако коартикуляционные явления, выражающиеся в наличии [и]-образных фаз у гласного в соседстве с мягкими согласными, свойственны и акающим говорам тоже; по существу, это свойство всех диалектов русского языка с сильно выраженной палатализацией согласных; и ничто не мешает предположить, что формирование некоторых типов акающего вокализма могло основываться на том же принципе, если такое их объяснение оказывается более простым и непротиворечивым. Это избавляет от необходимости искать “прямых предшественников” умеренного яканья только среди окающих моделей вокализма. Приписывать влияние мягкости согласного на предшествующий гласный исключительно говорам севернорусского наречия нет оснований; хотя, разумеется, оно имеет разное – и “качественно”, и “количественно” – проявление в разных говорах русского языка.

Одним из аргументов, используемых В.Н. Сидоровым для доказательства “окающей” основы умеренного яканья, является сходство реакции предупредного гласного на последующее сочетание твердого согласного с мягким. Анализируя произношение гласных перед сочетанием твердого согласного с мягким, в том числе, и в ударном слоге, В.Н. Сидоров склоняется к фонетической интерпретации общерусского чередования [o] // [e] в ударном слоге ([с’об’стры] // [с’эстр’инск’ий]) и диалектного – в предупредном: [с’остра́] // [с’эстр’э́] в окающих говорах и [с’астрá] // [с’истр’э́] в умеренно-якающих. Но при этом окончательный его вывод – о том, что наличие этого чередования в исследованных им говорах свидетельствует о северной основе умеренного яканья – представляется неожиданным, поскольку те самые факты, которые приводит В.Н. Сидоров, говорят о том, что это явление общерусское, а не локальное. Думается, что одинаковую реакцию предупредного гласного на мягкость последнего согласного в консонантной группе следующего слога, которая наблюдается и в окающих, и в умеренно-якающих говорах, следует интерпретировать как общий принцип устройства их фонетической системы, а не как свидетельство того, что одни говоры (окающие) послужили основой для формирования других (умеренно-якающих).

Гипотеза образования умеренного яканья как “слежка” окающей модели должна быть обоснована с двух позиций: во-первых, с позиции чисто лингвистической (реальности необходимых для этого звуковых замен; и во-вторых, с позиции лингвогеографической (реальности предположения о том, что по крайней мере бóльшая часть современной территории умеренного яканья в момент его формирования была окающей, и при этом исходная модель ёканья, включающая [o] на месте *ё, была достаточно регулярной).

Однако и с чисто лингвистической, и с лингвогеографической точки зрения в гипотезе В.Н. Сидорова (если принять ее за универсальную модель возникновения умеренного яканья) имеются слабые места.

1. Модель предупредного вокализма, которая должна была образоваться в результате простого “наслоения” аканья на оканье путем замены [o] на [a], еще не давала модели умеренного яканья. Этому противоречило устройство вокализма между мягкими согласными: [e] на месте *е и *ё и [a] на месте *а. Дальней-

шее преобразование возникшего типа вокализма, который В.Н. Сидоров назвал “первичным умеренным яканьем”, в умеренное яканье стандартного типа получило объяснение через аналогию: “В результате замещения предударного [e] (из старых *е и *ё) гласною [и] эта последняя в положении между мягкими согласными получила огромное численное преобладание над относительно редкой здесь гласной [’а]. Это, по всей вероятности, и послужило причиной постепенного вытеснения редкого звука [’а] наиболее частым и привычным в данном положении звуком [и]. Иными словами, система современного умеренного яканья образовалась в результате обобщения гласной [и] между мягкими согласными, поскольку в говорах с первичным умеренным яканьем гласная [’а] произносилась в предударном слоге между мягкими согласными только в соответствии с этимологическим [’а], во всех же прочих случаях произносилось [и]” [Сидоров 1966, 108]. Появление [и] перед мягкими В.Н. Сидоров объясняет общерусским процессом повышения подъема переднего гласного, которое в акающих говорах привело к иканью и появлению [и] вместо [e] в определенных позициях в диссимилятивных моделях вокализма.

Таким образом, трансформация системы предударного вокализма между мягкими согласными должна была пройти две стадии: замену [e] на [и] и обобщение этого [и]. В обоснование такой возможности В.Н. Сидорову удалось обнаружить описания нескольких говоров, которые можно было интерпретировать как переходные от ёканья к умеренному яканью – они локализовались в северо-восточном углу Рязанской области. Но такой путь преобразования одной системы вокализма в другую вовсе не должен был быть единственным и всеобщим – такого мнения придерживаются те, кто работал над составлением ДАРЯ: “Современные процессы перехода от вокализма с различием гласных к вокализму с неразличием этих же гласных не ведут к формированию умеренного яканья... От вокализма с различием влад.-поволж. типа обычно наблюдается переход к ёканью и иканью” [Образование 1970, 342].

Таким образом, с лингвистической точки зрения гипотеза В.Н. Сидорова может быть правдоподобной только для некоторых, но ни в коем случае не для всех умеренно-якающих говоров.

2. Лингвогеографический аспект проблемы также не позволяет принять гипотезу В.Н. Сидорова как способ объяснения, пригодный для всех говоров той территории, на которой засвидетельствовано умеренное яканье. Говоры с произношением безударного [’о] на месте *ё встречаются достаточно редко, умеренное же яканье является одним из самых распространенных типов предударного вокализма после мягких согласных, охватывающим не только Московскую и Рязанскую, но и области, географически не связанные с владимирско-поволжскими говорами: Тульскую, Тамбовскую, Воронежскую, Пензенскую, Саратовскую. Оно включено в массив других типов яканья, среди которых преобладают модели, где также проявляется принцип зависимости качества гласного от твердости/мягкости последующего согласного (типы суджанский, ассимилятивно-диссимилятивный, умеренно-диссимилятивный, диссимилятивно-умеренный, ассимилятивно-умеренный). Впрочем, даже и в восточной части территории распространения умеренного яканья “говоры с различием гласных влад.-поволж. типа нигде (кроме небольшого пространства около Касимова) непосредственно не граничат с умеренным яканьем” [Образование 1970, 342].

Е.С. Скобликова, посвятившая специальное исследование рефлексам предупредного *ё в говорах с ёканьем [Скобликова 1962], установила, что ни в одном говоре [о] на месте *ё не бывает регулярным – оно весьма четко связано с определенным кругом слов, то есть в значительной степени лексикализовано. Так, ни в одном говоре не засвидетельствовано [о] в лексемах *лес, хлеб, сено, дело, место, река, стена, смех* (словах с подвижным ударением); Р.О. Якобсон в описании говора Дмитровского уезда Московской губернии добавляет к этому списку слова *беда, девать, девóчка, песок, пенá, следок, езда, прилетает, смелó, распевать, цена, цепами* [Якобсон 1971, 585]; напротив, [о], по свидетельству Е.С. Скобликовой, весьма регулярно в лексемах *двенадцать, слепой, немой, седой* и на месте корневого или суффиксального *ё в глагольных формах перед суффиксом *-ва-* (словах с неподвижным или относительно неподвижным ударением). Из этого, по мнению автора, следует, что “бóльшая часть владимирско-поволжских говоров характеризуется особой судьбой *ё в 1-м предупредном слоге перед твердыми согласными – отличной от судьбы этимологических *е и *ь в этом положении” [Скобликова 1962, 120].

Карты “Атласа русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы” и ДАРЯ убедительно свидетельствуют о том, что исходная, по предположению В.Н. Сидорова, модель северного вокализма не имеет достаточно четкого ареала и потому вообще едва ли существовала “в чистом виде”; более реалистичным нам представляется мнение П.С. Кузнецова [Кузнецов 1948] о “вторичности” ее по сравнению с моделью, где *е и *ё различаются перед твердыми согласными.

Карта № 3 ДАРЯ показывает, что умеренное яканье свойственно как среднерусским, так и южнорусским говорам. При этом его ареал “разорван” на западную и восточную части весьма обширной территорией ассимилятивно-диссимилятивного яканья, характерного для Рязанской группы южнорусского наречия. Северная граница умеренного яканья действительно проходит вблизи границы владимирско-поволжского окающего массива, отделяясь от него местами иканьем (в районе Клина–Москвы–Коломны и восточнее), местами – ёканьем (значительно реже).

Традиционно исходным типом аканья-яканья считается диссимилятивное аканье-яканье архаического типа, из которого выводятся все остальные модели безударного вокализма акающих говоров [Шахматов 1915; Горшкова, Хабургаев 1997]. О воздействии такого типа вокализма (в его задонском варианте) на говоры владимирско-поволжского типа пишет и В.Н. Сидоров [Сидоров 1969, 14–15], что позволяет объяснить наличие [е], а не [и] в положении между мягкими согласными в безударных слогах некоторых говоров с “первичным” умеренным яканьем.

Однако предположение о диссимилятивном (или ассимилятивно-диссимилятивном) характере акающего вокализма, под влиянием которого формируется умеренное яканье, не представляется нам достаточно убедительным, поскольку [а] перед мягким согласным возможно в любом типе диссимилятивного яканья, если за ним следует гласный верхнего подъема ([р’ак’й], [т’ан’й], [н’ас’й], [с’ам’й], [д’ар’йга]), и еще в некоторых типах, если за ним следуют другие гласные, кроме [а] ([п’ат’орка], [т’ап’ёр’], [в р’ак’ё]), и нет серьезных оснований думать, что в окающих системах [а] (в случаях типа [п’ат’й]) должно было замещаться на [и] под влиянием говоров, где [а] тоже было возможно в той же пози-

ции (и даже в гораздо большем числе случаев) не только на месте *а, но и на месте *е, *ь, *ё. Более вероятным представлялось бы “обобщение” [а], которое имело и в “первичной” северной системе, и в воздействовавшей на нее южной. “Вытеснение” гласного нижнего подъема [а] гласным верхнего подъема [и] могло происходить только под влиянием иканья.

Другой взгляд на механизм формирования аканья-яканья изложен в работе [Князев 2000]. Согласно этой гипотезе все современные типы безударного вокализма акающих говоров сформировались (более или менее одновременно) не из диссимилятивного аканья-яканья архаического типа, а из недиссимилятивного вокализма с предударными [ъ], [’ъ] в результате формирования просодического ядра слова (ударный + первый предударный гласный) и действия компенсаторных правил внутри просодического ядра: перед кратким ударным гласным предударные [ъ], [’ъ] изменяются в [а], [’а], а перед долгим гласным типа [ъ] сохраняется в неизменном виде, а [’ъ] либо сохраняется, либо изменяется в [’е], [’и]. При этом долгота-краткость ударного гласного зависит, в первую очередь, от его подъема: так, в среднем, при прочих равных условиях, в современном русском литературном языке собственная длительность гласных верхнего подъема ([и], [ы], [у]) составляет около 75%, а длительность гласных среднего подъема ([е], [о]) – около 90% от длительности гласного нижнего подъема [а] [Кузнецов, Отт 1989, 68]. Таким образом формируются модели, в которых ударные гласные одной и той же ступени подъема ведут себя с точки зрения типа предшествующего гласного одинаково (донская, архаическая, жиздринская).

В других типах якающего вокализма (дмитриевском, суджанском, щигровском и мосальском) гласные одного подъема ведут себя в этом отношении по-разному. Во всех этих моделях в предударном слоге произносится [’и] перед ударным гласным, находящимся в положении после мягкого согласного, а [’а] – в позиции перед ударным гласным того же подъема, но перед твердым согласным:

	предударный [’и]	предударный [’а]
дмитриевский	перед гласным из *ё	перед гласным из *ѡ
мосальский	перед [е]	перед [о]
суджанский	перед [е], [’о]	перед [о]
щигровский	перед [е], [’о]	перед [о]

Различия в реализации гласных фонем неверхнего подъема в положении перед ударными гласными одного и того же подъема, присущие дмитриевскому, суджанскому, щигровскому и мосальскому типам диссимилятивного яканья, могут быть объяснены тем, что собственная длительность ударных гласных в положении после мягких согласных больше длительности гласных в позиции после твердых² вследствие наличия у них [и]-образного переходного участка: “Гласные заметно длительнее после мягких, чем после твердых. Объяснение этого явления очевидно: гласные после мягких согласных начинаются среднеязычными “переходными звуками” типа *i-e*, которые являются,

² По данным Л.В. Щербы, длительность ударного гласного в положении после мягкого согласного составляет около 115% от его длительности после твердого (для позиции перед глухим смычным согласным).

по-видимому, существенным моментом для акустического восприятия мягкости согласного перед гласными. Для правильности этого восприятия среднеязычный элемент должен быть, по-видимому, настолько длителен, что при нормальной длительности всего гласного³ он затруднял бы правильное восприятие качества самого гласного, результатом чего и является его удлинение” [Щерба 1912, 135].

Связь длительности (и, соответственно, качества) предударного гласного при диссимилятивном вокализме с длительностью ударного очевидна. Длительность же ударного гласного, в свою очередь, определяется 1) степенью открытости самого гласного и 2) его положением после твердого или после мягкого согласного. Говоры с диссимилятивным вокализмом подразделяются на а) те, которые обобщили зависимость длительности гласного только от его подъема (донской, архаический, жиздринский типы); б) те, которые обобщили зависимость длительности гласного как от его подъема, так и от положения после твердого или после мягкого согласного (дмитриевский, суджанский, щигровский и мосальский типы). Можно предположить, что и **умеренное яканье является разновидностью диссимилятивного яканья** применительно к тем говорам, которые обобщили зависимость длительности гласного только от его положения после твердого или после мягкого согласного.

В дальнейшем же в этих говорах зависимость качества предударного гласного от длительности ударного была переосмыслена как зависимость от твердости-мягкости согласного ударного слога, о чем свидетельствуют факты произношения гласных перед сочетаниями согласных, последний из которых является мягким, а первый – твердым.

Можно предложить и другую (чисто фонетическую) гипотезу о механизме возникновения умеренного яканья, согласно которой оно является просто результатом развития в говоре с сильным аканьем-яканьем тенденции к зависимости качества предударного гласного от твердости/мягкости последующего согласного, а не наложением аканья на какую-то определенную модель окающего вокализма после мягких согласных. В этом случае механизм изменения [C'aC'] → [C'iC'] выглядит совершенно прозрачным: в положении между двумя мягкими согласными гласный [a] имеет начальный и конечный [и]-образные переходные участки ([’иаи’]), что при сокращении длительности его стационарной части может приводить к изменению в [’и’] (через ступень [’е’])⁴.

Основное достоинство изложенной здесь гипотезы возникновения умеренного яканья из недиссимилятивного состоит, на наш взгляд, в том, что она позволяет предложить чисто фонетическое (без привлечения понятия аналогии) объяснение возникновения различных типов яканья, притом, единое для всех этих типов⁵.

³ То есть, длительности, равной длительности того же звука в положении после твердого согласного.

⁴ О возможности происхождения умеренного яканья вне связи с влиянием владими́ро-поволжской модели безударного вокализма см. также [Дурново 1918, 83], [van Wijk 1934–1935], [Калнынь 1952].

⁵ Иная гипотеза возникновения умеренного яканья (из диссимилятивного яканья архаического типа путем межслоговой вокальной ассимиляции по ряду) предложена Д.М. Савиновым [Савинов 2000, 16–18]; ее анализ см. в работе [Князев 2001].

ЛИТЕРАТУРА

- Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы. М., 1957.
- Будде Е К истории великорусских говоров. Опыт историко-сравнительного исследования народного говора в Касимовском уезде Рязанской губернии. Казань, 1896.
- Брок О. Говоры к западу от Мосальска. Пг., 1916.
- Горшкова К В, Хабургаев Г А. Историческая грамматика русского языка. М., 1997.
- Дурново Н Н Диалектологические разыскания в области великорусских говоров. Часть I Южновеликорусское наречие. Вып. 2. М., 1918.
- Захарова К Ф, Орлова В Г Диалектное членение русского языка. М., 1970.
- Калнынь Л Э Коломенские говоры в их истории и современном состоянии. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1952.
- Князев С В К вопросу о механизме возникновения аканья в русском языке // ВЯ. 2000, № 1.
- Князев С В. К истории формирования некоторых типов аканья и яканья в русском языке // Вопросы русского языкознания. Вып. IX. Диалектная фонетика русского языка в диахронном и синхронном аспектах. М., 2001.
- Кузнецов В Б, Отт В А Автоматический синтез речи. Алгоритмы преобразования "буква-звук" и управление длительностью речевых сегментов. Таллинн, 1989.
- Кузнецов П.С О гласных первого предударного слога в некоторых владимирских говорах // Бюллетень диалектологического сектора Ин-та русского языка АН СССР. Вып. 4. М., 1948
- Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров (по материалам лингвистической географии). М., 1970.
- Парикова Н Б Умеренное яканье в тульских говорах // Материалы и исследования по русской диалектологии. Новая серия. Вып. II. М., 1961.
- Савинов Д М Вокализм первого предударного слога некоторых тульских говоров (Белевский и Веневский районы). Автореф. ... дисс. канд. филол. наук. М., 2000.
- Сидоров В Н. О происхождении умеренного яканья в среднерусских говорах // Известия ОЛЯ АН СССР. Вып. 2. М., 1951.
- Сидоров В Н Умеренное яканье в среднерусских говорах и севернорусское еканье // Сидоров В.Н. Из истории звуков русского языка. М., 1966.
- Сидоров В Н Два пути образования умеренного яканья из еканья // Сидоров В.Н. Из русской исторической фонетики. М., 1969.
- Скоблкова Е С О судьбе этимологического *ъ в первом предударном слоге перед твердым согласным в говорах владимирско-поволжской группы // Материалы и исследования по русской диалектологии. Новая серия. Вып. III. М., 1962.
- Шахматов А А Очерк древнейшего периода истории русского языка // Энциклопедия славянской филологии: Издание ОРЯС Имп. АН / Под ред. И.В. Ягича. Пг.: Тип. Имп. АН, 1915
- Шерба Л В Русские гласные в качественном и количественном отношении. СПб., 1912.
- Якобсон Р О Фонетика одного северно-великорусского говора с намечающейся переходностью // Roman Jakobson. Selected Writings. I. Phonological Studies. Mouton. The Hague-Paris, 1971.
- Van Wijk N Zur Entwicklungsgeschichte des Akanje und Jakanje // Slavica. 1934–1935. XIII. N 4: 640–654.